

ЛИДЕРСТВО У ГОРЦЕВ КАВКАЗА В XIX В.: АБХАЗСКИЙ ВАРИАНТ

С. С. Пигарь

Возрождение в настоящее время различных элементов традиционной политической культуры кавказских горцев заставляет обратиться к эпохе, когда эта культура существовала в ее оригинальном состоянии — до и в процессе вхождения Кавказа в Россию в XIX в. Одним из важнейших ее аспектов является лидерство, ярко проявившееся в абхазском обществе. У кавказских горцев персональный авторитет являлся сочетанием репутации и связей и определял успех и влияние личности. Титул, сословная принадлежность, богатство являлись подчиненными факторами, соответственно, политическая иерархия не совпадала с социальной. Персональные качества и репутация лидера лежали в основе его власти. Власть как таковая воспринималась горцами как одно из свойств личности. Власть лидера основывалась на численности его добровольных приверженцев, которые поддерживали отношения взаимовыгодного сотрудничества со своим лидером. Поскольку личность лидера была неотделима от сообщества его последователей, лидерство было, скорее, феноменом не личностным, а корпоративным. В основе абхазской культуры лежало стремление не подавить социальную активность людей, а регулировать ее таким образом, чтобы рост влияния лидера, его богатства и известности могли бы рассматриваться как достижения его группы. Более того, команда лидера не только поддерживала его, но и существенно ограничивала его амбиции. Традиции самоуправления в горском обществе не допускали политических лидеров к участию в экономической и духовной жизни общества. Эти функции выполняли лидеры особого типа — старейшины, которые были ведущей силой в неполитических областях общественной жизни. Они являлись посредниками между субъектами и объектами политических отношений, исполняя роль стороннего наблюдателя, дающего морально-правовую оценку происходящим событиям.

Ключевые слова: Кавказ, лидерство, авторитет, социальные отношения, политическая культура.

Renaissance of various elements of Caucasian highlanders' authentic political culture at present necessitates the revision of the time when this culture functioned in its original state — before and during the integration of the Caucasus into Russia in the XIX century. One of the important aspects of that was leadership, vividly exemplified by the Abkhazian society. Personal authority among Caucasian highlanders resulted from the combination of reputation and connections, and defined the success and influence of a person. Titles, estates, and wealth were subordinate factors; therefore, the political hierarchy did not match the social one. Personal qualities and reputation of a leader were the basis of his power. For the highlanders power itself was an element of personality. The leader's power was based on the number of his voluntary followers, which forced people to maintain mutually beneficial cooperation with the leader. As the leader's personality was an integral part of his followers' society, the leadership among the highlanders was rather a corporate phenomenon than a personal one. The goal of the Abkhazian culture and society was not to suppress people's social activity, but to regulate it so that the growth of the leader's influence, wealth, and fame would be considered as an achievement of his group. Moreover, the leader's team did not only support him, but also significantly limited his ambitions. Highlanders' self-government traditions prevented political leaders from participating in the economic and spiritual spheres. There was a special type of leaders in the Caucasus — the elders, which were the dominant force in the non-political aspects of the society's life. The elders were a medium between subjects and objects of political system. They served as outside observers responsible for the moral appraisal and legal evaluation of all current events.

Keywords: Caucasus, leadership, authority, social relationship, political culture.

Сегодня очевидно, что, невзирая на исторические перипетии XX века, горские народы Кавказа не утратили своеобразие общественного строя. Возрождение многих элементов самобытной политической культуры заставляет вспомнить времена, когда ее можно было наблюдать в своем целостном и не искаженном виде — в период включения Кавказа в состав России. Один из наиболее важных и своеобразных элементов этой культуры — лидерство.

В горско-кавказском обществе, лишенном жесткой социальной дифференциации и бюрократического аппарата контроля и управления, власть утверждалась и реализовывалась по иным законам, нежели в Российской империи или царствах и княжествах Грузии. В XIX в., когда горцы еще сохраняли свою социально-политическую структуру, Кавказ поражал слабой властью местной элиты, ее тесными взаимоотношениями с массой простолюдинов, непропорционально большим количеством людей, претендующим на власть в каждой общине, каждой местности или целом народе. Интеграция региона в состав России ставила перед имперской армией и административным аппаратом вопрос о том, как управлять местным населением, разобщенным географически, этнически и конфессионально, чья система жизнеобеспечения покоилась на глубоких традициях самоуправления и групповой солидарности. Стремление опереться на местных лидеров и вести с ними дела как с полновластными правителями, а к их подданным относиться как к покорной массе, приводило к управленческому фиаско. Имперские чиновники и офицеры, представители общества с развитой социальной и служебной иерархией, с негодованием взирали на политическую практику горского Кавка-

за. Здесь было обыкновением, что выходцы из знатнейших родов могли быть лишены всякого влияния, пребывали в безвестности и нищете, тогда как множество незнатных людей добивались выдающегося положения в обществе, а важные управленческие решения принимались посредством долгого обсуждения между народом и его предводителями и на условиях получения обоюдной выгоды.

Лидерство у абхазов — наглядный пример того, что этот институт представлял собой в горском социуме той поры.

Современники, описывавшие социально-политический уклад горских народов Кавказа в XIX в., давали абхазским реалиям такие характеристики: «Предприимчивый, энергичный и смелый человек, владеющий деревней, может стать грозным и создать себе репутацию, которая увеличит его богатство» [1, 146]; «степень влияния каждого лица из [благородных] сословий зависит от лично заслуженного уважения. Сильный дворянин имеет более веса, чем слабый князь» [2, 343]. Относительно верховного правителя страны писали: «Власть владетеля зависит более всего от его личных достоинств и от того влияния, которое он приобрел на народ» [3, 23]. В 1866 г. изучавший сословные взаимоотношения в Абхазии титулярный советник А.П. Черепов отметил, что здесь «привилегированные роды также покоряются личности, как и простые смертные» [4, 160]. Таким образом, согласно источникам, перед фактической способностью обрести влияние никакие формальные ограничения (титул, социальное происхождение) не являлись абсолютными.

Это свидетельствовало о чрезвычайно высокой роли персональных качеств в общественном статусе человека

у абхазов. В стране не было отделенных от населения формализованных институтов управления и обособленной категории управленцев (чиновников). Хозяйство носило натуральный характер, при котором отсутствовало понятие частной собственности (господствовало трудовое право на землю), а товарно-денежные отношения целенаправленно ограничивались в пользу реципрокного обмена. Основой социальной системы являлись самоуправляющиеся родственные и соседские коллективы, основанные на традициях групповой солидарности (см. подробнее: [5]). Это были единственные формы упорядоченности в абхазском социуме, на которые могли опереться лидеры, но платой за лояльность таковых стала необходимость выстраивать отношения между правящим и подчиненным слоями общества на взаимовыгодных условиях. Поэтому властные отношения у горцев реализовывались в форме патрон-клиентских, основанных на непреложных взаимных обязательствах сторон и консенсусном способе принятия решений (см. подробнее: [6]). В 1820 г. этой системе властных отношений была дана такая характеристика: «Владельческий князь Абхазии пользуется в отношении дворян такой же властью, какой те пользуются в отношении своих крестьян. Он является всего лишь старшим родственником, который пользуется влиянием, но не имеет ни законодательной, ни исполнительной власти» [1, 145-146].

В такой ситуации мерилom успешности и могущества человека становился его персональный авторитет, в котором соединялись репутация и широта личных связей, а титулы, должности, сословная принадлежность или богатство играли подчиненную роль. Это была основа общественного статуса горца,

в зависимости от которой находились его материальное положение, политические возможности и даже психологическое состояние. В 1834 г., владелец Абхазии Михаил Чачба (Шервашидзе) признавался в письме: «Таковы наши обычаи... что только владея общим мнением, я могу управлять вверенным мне народом, и что, лишаясь уважения онаго, я лишаясь всякой над ним власти» [7, 446]. Преступая черту, за которой рушилась добрая репутация, абхазский лидер рисковал потерять все: могущество, социальный статус и даже жизнь. Например, в 1813 г. двое крестьян убили удельного правителя Самурзакан (восточная Абхазия. — С. П.) М. Чачба (Шервашидзе) и родственника владельца всей Абхазии, тем самым упредив готовившуюся над ними расправу. На состоявшемся впоследствии Народном Сходе убийцы были полностью оправданы, когда выяснилось, что покойный князь покушался на честь супруги одного из них [8, 129, 133]. Дискредитирующая князя причина гибели полностью обесценила его жизнь. Значение репутации оказалось важнее знатности и могущества.

Еще строже была зависимость горского лидера от своего персонального окружения: значение последнего было столь высоко, что его утрата, например, для аристократа, был чревата переходом на более низкую социальную ступень. Так, ветви могущественных княжеских фамилий Чачба (Шервашидзе) и Гечба, оказавшись за пределами ареала влияния своих фамилий: первая в Сванетии, а вторая в окрестностях Сухума (Гечба правили в Западной Абхазии), превратились в лично свободных крестьян, а князя Амаршан (Маршания), живущие в Убыхии (совр. район Сочи) считались только дворянами [9, 155-156]. Имеются сведения за 1868 г. о

живущих в окрестностях Сухума представителях влиятельной аристократической фамилии Маан (Маргания). Рассматриваемая семья не обладала должным кругом приближенных, а потому они «хотя и принадлежат к настоящим Маргани... но никогда не пользовались никаким значением будучи очень бедны... Пахотной земли они занимали очень мало, только то, что было около их усадеб и в этом отношении положение... анхае (абх. *крестьяне*. — С. П.), живших там же... было несравненно лучше» [10, 479].

В случае же, когда человек благодаря личным качествам приобретал высокий авторитет, ситуация была диаметрально противоположной. Яркий тому пример приводил в 1837 г. В. Розен, когда, описывая положение русских дезертиров и пленных, живущих в Цабале (горная провинция Абхазии), упоминал, что один из них, «старик, проживший в Цебельде более 30-ти лет, одаренный от природы хорошим понятием, пользуется некоторым уважением даже у самих князей, которые нередко допускают его к разбору своих ссор» [11, 459]. Учитывая его иноземное происхождение и изначально маргинальный статус, способность достичь такого авторитета среди абхазов была поразительна.

Приоритет персонального авторитета ярко проявлялся при наследовании власти, препятствуя ее прямой передаче от отца к сыну и закреплению лидерства за конкретными семьями. Авторитет — нематериальный капитал. Он всегда связывался с конкретным человеком и исчезал, когда тот умирал. Поэтому, даже в случае если статус главы-покровителя какой-либо местности страны закреплялся за определенным кланом (но не семьей!), он «всегда переходил в руки одного из многих не по старшинству, а по личному достоин-

ству каким бы путем человек не достиг первенства» [4, 159].

Стоит отметить, что в процессе вхождения Абхазии в состав Российской империи значение персонального авторитета стало определяющим фактором во взаимоотношениях местного населения и государственной системой управления. Имперская администрация, как сила управляющая, воспринималась таковой в глазах местного населения только при условии ее привязки к личности сильного характером и влиятельного руководителя. Всякие договоренности и правила в отношении управляющих инстанций и войск понимались местным населением как заключенные с конкретным их представителем, а не безликим чиновничьим аппаратом. Пример тому — фигура генерала А. Г. Пацовского (1788-1839 гг.), его взаимоотношения с населением Бзыбской Абхазии: «Значение, которое Пацовский умел приобрести в глазах абхазцев, отзывалось на всех русских. В Бзыбском округе... не было слышно о нападениях на наших солдат, ходивших поодиночке в самые дальние селения. Абхазцы встречались с ними как с добрыми знакомыми, детьми Пацовского, которого они любили» [12, 36]. При других администраторах, не сумевших снискать авторитет у местных жителей, такие взаимоотношения носили явно враждебный характер.

Такое понимание власти обуславливало одну из важнейших особенностей лидерства у абхазов и, шире, у кавказских горцев: грань между господствующим классом и подвластными определялась не принадлежностью к тому или иному сословию, а фактом реального общественно-политического преимущества одной персоны над другой в конкретных обстоятельствах. Абхазский социум «несмотря на разли-

чие сословий... состоял из элементов покровительствующего и покровительствуемого. В абхазском языке эти понятия выражаются словами: *ахылапшыу* — патрон, покровитель, заступник и *хипши* — состоящий под покровительством, подвластный, зависящий» [13, 4]. Поэтому правящий слой в рассматриваемом социуме имел разнородный социальный состав: князья, дворяне и влиятельные лично свободные люди незнатного происхождения составляли единую категорию лидеров-покровителей (патронов). Категория подвластных также была всесословной: «Класс хипши — покровительствуемых — представляет собою совокупность родов всех сословий... В этом случае кастовые отличия не имеют мест» [4, 160].

Интересно, что это отражалось на правовой оценке тяжести убийства человека: уничтожение простолюдином аристократа, как следствие преступного поведения последнего, не считалось у абхазов экстраординарным преступлением и зачастую влекло за собой лишь уплату штрафа в пользу родственников жертвы. Так было в случае убийства князя Цамба, дворян Инал-ипа и Эмхаа (Эмухвари) [14, 24-25].

Важно обратить внимание на роль социального происхождения в качестве источника власти. Сама по себе знатность не гарантировала лидеру серьезных политических преимуществ, однако, учитывая унаследованный от средневековья престиж знатности, серьезно облегчала ему задачу легитимации собственного лидерства, подкрепляло его авторитетом «благородного» сословия.

Весомую роль знатность играла только в самом верхнем эшелоне власти, всегда представленном лишь несколькими людьми: верховным правителем страны — владельческим князем из рода Чачба (Шервашидзе), а также

удельными князьями (фамилии Чачба, Амарщан (Маршания), Гечба) управлявшими целыми провинциями страны. Но и среди них обретение власти определялось авторитетностью, а не правом родства и наследования. Это объясняет, почему вопрос о том, кто конкретно из представителей могущественного рода станет его лидером и возглавит подопечные земли, хронически приводил таковые к расколу. В конфликт втягивалось подвластное население, и между конкурирующими партиями начиналась борьба, открытая и тайная, не на жизнь, а на смерть. Примерами тому междоусобная борьба князей Амарщан (Маршания) за власть над областью Цабал в 60-х гг. XIX в. или спор между двумя ветвями фамилии Чачба (Шервашидзе) за господство над провинцией Гумаа (совр. Сухумский район), длившийся всю первую половину XIX в. Причиной ожесточенного противостояния была не только жажда власти, но и сам ее характер в Абхазии, где лидерство было персонифицированным: власть и привилегии, которыми обладали владетель и удельные князья, не распространялись на весь их род и даже его отдельную ветвь — патронимию [3, 23; 2, 355].

Таким образом, в политической культуре абхазов приоритетную роль в обретении статуса лидера играли персональные качества. На высшем, княжеском уровне власть передавалась главным образом не по линии одной семьи, а в пределах патронимической группы или целой фамилии. Это в частности означает, что власть князей и крупных дворян в Абхазии XIX в. являлась возобновляемой. Круг потенциальных преемников внутри фамилии мог сужаться только до масштабов отдельной патронимии, все равно состоящей не из одной, а нескольких больших семей.

Социальное происхождение становилось дополнительным аргументом в обретении власти только в случае принадлежности потенциального лидера к конкретной фамилии, обладающей политически весом. На низовых уровнях организации власти социальный состав лидеров был смешанным. Необходимым условием наделения властью являлось непосредственное участие в жизни подвластного населения, поэтому роль персональных качеств потенциального лидера становилась определяющей. Здесь действовал принцип социального лифта, а сословное происхождение оказывалось несущественным фактором. Ряд примеров тому приводил в 1872 г. А. Н. Введенский: в сообществе (*акыта*) Отхара семья Чачба (Шервашидзе), изначально правившая там, не сумела «поддержать своего значения», и жители, «признававшие их покровительство, перешли под покровительство выходца из Кабарды, Цивш»; в с. Дихазурга крестьяне из рода Микаа перехватили власть у дворян Маан (Маргания) [14, 22-23]. «Во всех этих случаях обладание тавадским и аамстинским (княжеским и дворянским. — С. П.) званием ничего не значило, если представители их делались неспособными к тому делу, к которому были призваны. Они терялись в толпе и уступали место тем, кого предпочитал им народ, причем неаристократическое происхождение последнего ничего не значило перед его заслугами, умом, ловкостью и энергией» [14, 22-23].

Как следует из этого источника, не знатность, а народная симпатия и эффективное выполнение своего призвания открывало претендентам путь к лидерству. О каком призвании идет речь? Вспомним, что власть у горцев реализовывалась в форме патрон-клиентских отношений, которые предпо-

лагали наличие обоюдных обязательств между господином и подвластным, а при их нарушении прекращались. Основной формой социально-политического устройства Абхазии были *акыта* — территориальные всесословные сообщества (см. подробнее: [15]), во главе каждого из которых стоял покровитель — *ахылапшюу*, обязанный обеспечить безопасность своих подвластных. Они в свою очередь должны были оказывать поддержку его политическим устремлениям.

В итоге оказывалось, что эффективный защитник становился главой множества сообществ, что в свою очередь увеличивало число его приверженцев. Личные качества обеспечивали репутацию, а та — влияние: «Пользовавшихся известностью ахылапшюу признавали патронат нередко многие общины... В таких связях обе стороны находили свою долю выгод: ахылапшюу увеличивали влияние на дела края числом общин, состоявших под их покровительством... а хипшы в... той силе, какую располагали патроны для охранения безопасности каждого союза» [4, 160]. На практике это означало, что могущество политических игроков в стране определялось числом и размерами подконтрольных *акыта*. Не случайно в связи с этим, что верховный правитель Абхазии, владетельный князь, был покровителем двух наиболее крупных по размерам и населению сообществ в стране — Лыхны и Джгерды.

Другой важный факт, который указывает на прозрачность социальных перегородок в рассматриваемом обществе, заключается в том, что аристократия не являлась замкнутой группой элитарных фамилий, заключающих браки исключительно между собой. Даже владетельный князь мог жениться на простолюднике, как это сделал Келеш-бей

Чачба (Шервашидзе) (1747-1808), женатый вторым браком на крестьянке из рода Лейба, без существенной потери престижа. Полезные родственные связи были важнее сословной спеси, что мотивировало знать идти на заключение уз кровного или фиктивного родства с незнатными крестьянскими фамилиями. Как писал Г. А. Рыбинский, «между крестьянами... дворянин ловко пользуется для своих целей молочной роднею, которая пойдет в огонь и воду по его требованию. [Он] может заставить ее совершать даже преступление, ибо молочный брат подчиняется ему как загнипнотизированный, лишенный личной воли человек» [16, 309].

Все описанное выше позволяет заключить, что в абхазском обществе:

а) политическая иерархия не совпадала с сословной, а носила надсословный характер. Правящий и подвластный слои общества имели смешанный социальный состав;

б) власть понималась горцами не как безликий институт (как в социумах со сложившейся системой контроля и управления — бюрократией), а как свойство личности. Поэтому личные качества и персональный авторитет лидера были определяющими факторами в обретении и удержании власти;

в) могущество лидера основывалась на массе его добровольных приверженцев, что обуславливало актуальность взаимовыгодного сотрудничества с ними.

Особое состояние, когда лидер не был отчужден от своих подопечных ни бюрократическим аппаратом, ни жесткими социальными перегородками, приводило к тому, что горское лидерство представляло собой феномен не столько личностный, сколько корпоративный, когда персона предводителя неотделима от массы его приближен-

ных. Поэтому, например, обязательства по кровной мести в адрес патрона распространялись не только на его семью, но на всех его клиентов. Основой такого лидерства был баланс между двумя противоположными формами социального бытия: выраженным индивидуализмом лидера и групповой солидарностью, при которой приближенные не противостояли ему, а были связаны со своим патроном в единую систему. Горский предводитель не был отчужден от рядовых членов тех родственных и соседских коллективов, на которые опирался. Это был не полномостный диктатор, а первый среди равных. Отсюда происходило два важных социокультурных следствия.

Первое заключалось в том, что культура и социум у абхазов не подавляли социальную активность личности, ее желание утолить собственные амбиции, а стремились их регулировать таким образом, чтобы растущее влияние, богатство и слава человека становились достоянием не его одного, но тех родственных и соседских групп, к которым он принадлежал. В результате всякий коллектив был заинтересован в успешной социальной активности своих членов. Те из них, кто был на этом поприще успешен и достигал лидирующих позиций, воспринимались как ценное достояние коллектива, а их жизни обретали особую значимость. Например, в середине XIX в. князья Амарщан (Маршания) совершили нападение на сообщество Члоу, управляемое князем Батой Ачба. Он организовал погоню за нападавшими, настиг их и вступил в бой, в результате которого погибли предводители с обеих сторон. Оба они были представителями равных по знатности княжеских фамилий, к тому же организатор нападения поплатился за него жизнью. Тем не менее, Б. Ачба об-

ладал большим личным авторитетом, а потому его род счел себя пострадавшей стороной как потерявший «более выдающегося человека» [17, 82].

Второе следствие: всякое родственное и соседское объединение, на которое опирался лидер как их член и руководитель, не только оказывало ему всестороннюю поддержку, но и одновременно ограничивало его активность и амбиции, выступая как полноправный коллективный политический партнер. Патрон находился под постоянной угрозой утраты своих клиентов в случае, если его действия оборачивались для них слишком большими издержками. Под давлением подвластных лидеры порой отказывалась даже от священного для Кавказа долга мщения: «не мстили не потому, что не могли мстить, а потому, что... выгоды, которых они лишались с потерей всех подвластных, не сочувствовавших вражде... предпочитали чувству оскорбленной чести» [14, 25].

Оба эти следствия объясняют ситуацию положительной обратной связи между индивидуализмом лидера и коллективизмом тех групп, на которые он опирался: целостность, сила и богатство всякого коллектива зависели от успехов его лидера в той же мере, в какой его собственное положение в обществе, безопасность и широта возможностей — от поддержки коллектива приверженцев.

Важной особенностью менталитета горских народов Западного Кавказа, отразившейся в их политической культуре, было понимание политической власти как сугубо светской области человеческой деятельности, которая была лишена сакральности, что было естественно для общества конфессионально неоднородного, лишенного (в отличие от Дагестана и Чечни) всякого религи-

озного фанатизма, а равно и политически влиятельного духовенства¹. Вкупе с традициями народного самоуправления такое понимание власти привело у абхазов к отчуждению политических лидеров от участия в хозяйственной и духовной жизни народа, породив особую, неполитическую форму лидерства. Она, разумеется, основывалась на персональном авторитете, но теперь уже не политической и воинской, а духовной природы.

Характерной чертой жизни горских народов Кавказа была особая роль людей старшей возрастной категории внутри всякого коллектива — старшинство. Эта роль основывалась на высоком значении, которое философско-этическая система доиндустриального общества придавала возрасту человека². Посему, когда в единый коллектив соединялись люди, примерно равные друг другу по политическому и социальному статусу, наибольшим авторитетом наделялся старший по возрасту, разумеется, при условии должной интеллектуальной и физической дееспособности. Всякая социальная группа — родственная и соседская, спаянная общностью жизненного пути и чувством солидарности, имела своего старшего.

Старшинство одного человека существует только в сравнении с другими, поэтому всегда будет иметь строгую привязку к конкретной группе людей. За пределами собственной группы, во взаимоотношениях с членами общества, не входящими в нее, то есть чужаками, старшинство обязывало последних не более чем к общепринятым нормам этикета. Внутри всякой группы лояльность рядовых ее членов к своему старшему основалась на сугубо личных связях, а также нравственных стандартах, принятых у горцев. Лидерство, основанное на старшинстве, имело неполитическую

природу. В то же время старшинство могло сыграть позитивную роль в упрочении авторитета политически активной фигуры. Поэтому следует различать старшинство как один из источников личного авторитета и вырастающую на его основе неполитическую форму лидерства — старейшин.

Суть феномена старейшин у кавказских горцев заключена в том, что по достижении преклонных лет человек обретал статус носителя социального опыта и хранителя нравственных канонів жизни общества, получая право давать морально-правовую оценку поступкам людей и трактовать происходящие события. Умудренность жизненным опытом воспринималась как особое духовное качество человека, связанное с религиозными представлениями: термин, которым абхазы обозначали наиболее старых и авторитетных старейшин — *анаимбар*, — означает «ангел». Старшинство и святость в мировоззрении абхазов были связаны. Не случайно функции жрецов родовых и территориальных культов выполняли исключительно старейшины, выступая посредниками между народом и высшими силами — богами, духами и душами предков. Этим обеспечивалась духовная самостоятельность массы населения по отношению к политическим руководителям, лишенным возможности манипулировать этико-правовыми нормами и духовными воззрениями по своему усмотрению.

Обретая особый нравственный статус, старейшины оказывались как бы вне социальной градации и политической иерархии. Они становились обособленной неформальной социальной группой, осуществляющей контроль над информацией в обществе.

Внутри собственных коллективов старейшины выполняли функцию рас-

порядителей материальных и трудовых ресурсов внутри родственных, а порой и соседских сообществ. Это положение было закреплено в традициях народа и выражалось формулой: «Делай сказанное стариками, кушай сделанное молодыми». У горцев люди преклонного возраста не исключались из трудового процесса, а меняли специализацию, продолжая участвовать в общественном разделении труда. Теперь они выполняли функцию хозяйственного управляющего, а молодое и среднее поколения — функцию производителя.

Кроме того, старейшины исполняли роль представителей своих родственных и соседских сообществ на народных сходах, во взаимоотношениях с административным начальством и в судебных тяжбах. Однако не в роли единоличного владыки, что превращало бы их в политических лидеров, а в роли выразителей общей воли тех коллективов, которые они представляли. Влияние старейшины покоилось на репутации наиболее умудренного жизнью родича и соседа, разделяющего все перипетии жизни с теми, кого он представлял. Статус старейшины мог быть только заслужен и не передавался по наследству.

Старейшины принимали участие в политической жизни, но, учитывая возрастные возможности и в соответствии с заданными традициями образом старости, не в качестве предводителей, а в качестве выразителей общественного мнения и посредников в конфликтах. Иными словами, старейшины не являлись в полном смысле слова ни субъектами и объектами политических отношений, а выполняли двоякую роль посредника между таковыми и одновременно — роль стороннего наблюдателя, дающего морально-правовую оценку происходящим событиям. В этом был

глубокий рациональный смысл, ибо политические конфликты зачастую раскалывали фамилии, общины и сообщества. Занимая нейтральную позицию в политических процессах, старейшины сохраняли за собой статус хранителя единства коллектива, арбитра в спорах между его членами. Сосредотачиваясь на хозяйственных, социальных и духовных сферах, старейшины господствовали в неполитических аспектах жизни общества. В результате, политические лидеры не рассматривали старейшин как своих прямых конкурентов, а потому не боролись с ними.

По сути старейшины — это особая, неполитическая форма лидерства, самобытный институт, выполняющий роль коллективного редистрибутора в хозяйстве, а также духовного наставничества. Поодиночке старейшины не являлись самостоятельной политической силой. Но в совокупности, как обособленная половозрастная категория лю-

дей, обладающая привилегиями и солидарностью, они являлись важным компонентом общественного строя горцев, и всякая политическая сила обязана была с этим считаться.

Складывается картина параллельного существования двух форм лидерства: политической и духовной, совершенно чему всякий горский коллектив обладал двумя организующими центрами: в лице наиболее влиятельного в обществе, политически активного человека — патрона, а также в лице духовного лидера — старейшины. Такое распределение влияния между двумя центрами имело двоякое значение: с одной стороны, оно исключало контроль лидеров сразу над всеми сферами жизни людей, с другой — придавало дополнительную внутреннюю устойчивость обществу в целом и каждому коллективу в отдельности, наделяя их не конкурирующими, а взаимодополняющими центрами власти.

Примечания:

1. Если не считать таковыми османских мулл — людей пришлых, призванных быть идеологическим инструментом в геополитической борьбе на Кавказе.
2. По интересному наблюдению О. В. Маан, у абхазов существовало две независимые системы возрастной градации людей. Если одна отражала психо-физиологическое состояние человека, то вторая — его нравственную зрелость и социальную роль [18].

1. *Гибаль П.* Сведения об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве за 1820 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2008. Т. I. С. 133-151.

2. *Завадский Ф.* Абхазия и Цебельда // *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX вв.)*. Сухум, 2005. Кн. I. С. 341-360.

3. *Бутков В.* Записка о вознаграждении владельца Абхазии М. Г. Чачба (Шервашидзе) в связи с предполагаемым упразднением автономии Абхазии от 1864 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 22-28.

4. Черепов А. П. Краткие заметки титулярного советника о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии за 1866 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 154-171.
5. Пигарь С. С. Традиции народовластия и формы самоорганизации населения на западном Кавказе в XIX в. (на примере абхазов) // *Историческая психология и социология истории.* 2015. № 2. С. 80-97.
6. Пигарь С. С. Патрон-клиентские отношения у абхазов в XIX в. // *Проблемы истории, филологии и культуры.* 2015. № 4. С. 185-192.
7. Шервашидзе М. К. Письмо барону Розену от 5-го марта 1834 г. // *Акты Кавказской Археографической Комиссии.* Тифлис, 1888. Т. VIII. С. 446.
8. Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв. Сухуми, 1949.
9. Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.
10. Пахомов А. В. Объяснительная записка управляющего имениями Г. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в сухумскую поземельную комиссию за 1868 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 415-514.
11. Розен Г. В. Отношение командира отдельного кавказского корпуса к военному министру от 8-го мая 1837 г. // *Акты Кавказской Археографической Комиссии.* Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 459-460.
12. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. 1.
13. Краевич П. Д. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // *Сборник сведений о кавказских горцах.* Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-25.
14. Введенский А. Н. Абхазы (Азега) // *Сборник сведений о кавказских горцах.* 1872. Вып. VI. С. 1-48.
15. Пигарь С. С. Формы территориально-политической самоорганизации абхазов в XVIII-XIX вв. // *Этнографическое обозрение.* 2014. № 3. С. 117-127.
16. Рыбинский Г. А. Скотокрадство в Абхазии // *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX вв.).* Сухум, 2008. Кн. II. С. 308-312.
17. Инал-ипа Ш. Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке // *Труды Абхазского института языка, литературы и истории.* Сухуми, 1956. Т. XXVII. С. 71-125.
18. Маан О. В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов (вторая половина XIX — начало XX вв.). Сухум, 2003.